

Валентин ОВЕЧКИН

Настя Колесова

Сцены из новой пьесы *

Рассказы и повести Валентина Овечкина хорошо известны народу. Сам в прошлом председатель колхоза, а затем районный партийный работник, В. Овечкин глубоко, по-настоящему знает и любит колхозную деревню и ее людей.

Его рассказы «Православия Максимовна», «Гости в Стукачах», «Слепой машинист» и другие раскрывают черты характера советского крестьянина, порожденные колхозным строем.

Важная особенность рассказов В. Овечкина — их устремленность в будущее. Писатель умеет в повседневных будничных делах деревни заметить и выпукло показать ростки нового. Ему по душе смелые новаторы, и тем беспощаднее и злее ополчается он против всего, что мешало бы идти вперед. Этой же заботой о завтрашнем дне деревни, этим же бескомпромиссным о будущем колхозов проникнута и талантливая, влюбленная в лучший смысл этого слова повесть В. Овечкина «С фронтовым приветом», по праву заслужившая широкую популярность среди партийных работников и колхозного актива.

Этим летом писатель переехал в нашу область. Сейчас он живет и работает в Львовском районе.

Ниже мы печатаем сцену из новой пьесы В. Овечкина.

□ □ □

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Поле. Лунная светлая ночь. Собственно, еще не лето, середина мая, но на полях все горит от засухи. Много недель не было дождя, прежде временно стареет трава на выпасах, желтеют, вянут молодые хлеба, трескается земля от зноя. Между посевами пролегла дорога, спускающаяся к речке, невидимой под крутым берегом. О близости воды говорят высокие камыши в глубине сцены. На земле у дороги лежат: Федосья Голубова, Алена, Дарья, Мотыка, Фрося Любченко, Дуня, вокруг них разбросаны ведра, коромысла. Женщины носили воду от речки к водозабору, ушедшей на участок поля. Они спят в усталых позах. Возле них на пригорке сидят Гаврилыч и Марфа Степановна.

МАРФА СТЕП. Ты мне про старину не ври. Сама старая, все выдала. Какие там ведрами! ГАВРИЛЫЧ. Ну, спи, ежели не хочешь слушать... А поминишь, как Редька Санифон у Кочинских на свадьбе воды в хату напустил? Бабы полсапожники скинули, на столы лезут, визжат, жених, Кузьма, сгинул с лавки брюхом на пол и давай руками махать — плачет сажениками. Я в окно на эту спектаклю смотрел — кто во дворе был, тому не помчалось. Воды-то не было, одна видимость. За то поделал им, что на свадьбу не поехали.

МАРФА СТЕП. То не колдовство. То — заблуда, как оно называется... газза отводит.

ГАВРИЛЫЧ. А я говорю — черти ему пособили. По-настоящему сказать — вроде, как блат с нечистой силой. Все для него делал, чего бы ни попросил... Но зато, когда смерть пришла — неделю мучился. Корчит его, поперчил, как земля, хрипит, а помереть не может. Людям-то не видно, а он видит их, показывает пальцем: «Вот они сообрались, работы просят». Терзает его за душу, плачет: «Давай, приятель, работы, не покидай нас!» И камни заставлял их молоты на муку, и маковые зерна на песок выбирать — в один секунд управятся, опять лезут к нему.

МАРФА СТЕП. Нам бы с такими чертами знакомство завести. Мы бы нашли им работу. Вон во второй бригаде свежко шаровать еще не начали.

ФЕДОСЬЯ (подняв голову). Канаву тут заставили бы их прокопать, чтобы вода из речки сама текла на поле.

ГАВРИЛЫЧ. Хе-хе! Ну, не верите — что ж поделаешь. Сами просили — раскисали чего-нибудь... Ты, Степановна, и девкой была такая малюверная. Невозможно было ничем тебя утешить. К тебе с лаской, обнять тебя хочешь, а ты в глаза пыхкаешь, как кошка. Сурьезная была персона.

МАРФА СТЕП. Да уж канавка уродилась... А ты и парнем был уродлив. Сколько было девушек на нашей улице — на всех женились общаи.

ГАВРИЛЫЧ. Вашу сестру без брехи и не поцелуешь... Нет, Марфа, я насчет тебя твердое намерение держал. Вона, как судьба обернулась! Ведь могла бы и пожениться, а Сорок лет назад гуляла мы с тобой. Лично и тебе беда в наше село на досветки, шестнадцать верст в два коня. Ты моя первая любовь была. Обил Савелий. А девка ты была смачная!

МАРФА СТЕП. (строго). Ну, ну! ГАВРИЛЫЧ. А чего? Я говорю: была.

АЛЕНА (сопной). Вот раскисаю Савелию Марковичу. Черти старые! Любятничают, спать не дают.

МАРФА СТЕП. Расскажи, раскиса. Промеж них давняя ревность, пусть ему Маркович шею наостывает. (После паузы, мягче). Бобылем живешь, Гаврилыч?

ГАВРИЛЫЧ. Довольно, на старости лет. И Гринда там осталась. На Курльских островах службу несет... Ни кола, ни двора.

МАРФА СТЕП. Колхоз построит тебе хату.

ГАВРИЛЫЧ. А на что она мне, одинокому? Приютити люди — живу.

МАРФА СТЕП. Принеси бельзико, какое есть, постыраю.

ГАВРИЛЫЧ. А мне Марфа стесняет, хоялка. Не обижает... Вот как изверги поругали нашу жизнь, со всего себя один остался. Колхоз такой был. Богатство! Синькожины!

МАРФА СТЕП. Хоялствоно жили, да. И ладно фидили к вам умароуна сажать. Соразновались.

*) Право первой постановки принадлежит театру им. Е. В. Вахтангова в Москве.

днем отдыхать... А на своем участке копа работай?

ШАВРОВ. Потерпай твою подсолнухи, ничего.

ДАРЬЯ. Наме все терпим... ШАВРОВ. Наме-наше, что за разговоры? Колхоз поделити, что ли?

МОТКА. Да надо бы и поделити. Начали говорить про надувальную сдельщину, так доводите до конца.

ШАВРОВ. Про какую-то такую надувальную?

ФРОСЯ. Индивидуальную. МОТКА. Все одно. Выдели мне землю на мое семейство да пару волов дай — сама посею, уберу, поставки сама дам государству, сколько положено, а остальное — мое!

ДАРЬЯ. А трактора как будем делить? Мне — руль, тебе — колесо?

ФЕДОСЬЯ. Ей — колесо. Чтоб катилась отсюда и не болтала чепуху.

НАСТЯ. Вставайте, вставайте! Ряды языки почесать. Пока и ночь за разговорами пройдет. Ну, сколько ждать буду?

АЛЕНА (потыгиваясь). Ох, спать хочется!

МАРФА СТЕП. Да хоть бы уж без крику. Попросила бы нас похоронить...

ФЕДОСЬЯ. А и верно — чего ты, Настя, кричишь на нас? Иди в свое звено, там и командуй.

НАСТЯ. Мои работают, не лежат.

ФЕДОСЬЯ. Где? НАСТЯ. Там, поливают.

ДАРЬЯ. А на горку ведра тащить им нежелательно?

НАСТЯ. Вам ту работу нельзя доверить. Вы влохматились все ряды заплотите (оглядываясь на них). Кто прошлой ночью на дальнем участке у меня поливал? Кузов тридцать загубили. Колосальки! Носите ведра, это дело проще.

ФЕДОСЬЯ. Только на это и способны? Нам доверить нельзя? (вспыхив). Ну, ежели унизаться нас, таг и не замая! Шабаш! Не будем тебе поливать.

ДАРЬЯ (вскрикивая). Мы — жосолы! А ты — принцесса дворянских кровей! Расшиби их душу! Пошли, девки, спать!

ДУНЯ (встает). Своей работы по горло.

ШАВРОВ. Куда вы? Нельзя, бабы! И слова им не скажи — сразу хвосты распушили: не замая, пошли! Чего такие злые!

АЛЕНА. Того злые, Проконич, что засуха горит все!

ДАРЬЯ. Хлеб погибает, жизнь наша, что делать будем?

ШАВРОВ. Засуха! А зачем кулаки под нос мне суете? Я, что ли, погодю ведаю? Нету дождя, значит — полить надо.

ДУНЯ. Сколько мы тут полем ведаем?

МАРФА СТЕП. Этим народ не наормишь.

ФРОСЯ. Мы за колхоз боимся, дядя Прокон. Там больше потерям, чем здесь спасем.

ШАВРОВ. Товарищи жонглины! По силе возможности! Много не прошу — еще ночью — две.

НАСТЯ. Чего ты их просишь? Приказывать должны!

ФЕДОСЬЯ. Не послушаем мы ваших приказов. Неправильные они! Это уж ты хочешь, Настя, чужими руками жар загребать.

НАСТЯ. Глупые слова говоришь! Сама рассуди: все не спасем? Нет. Так что же спасать в первую очередь? Где лучше хлеб, был бы у тебя лучше — к тебе пошли бы.

ШАВРОВ. Бестолковые вы! Не берете во внимание — какой участок у нее. Не посевы, а можно сказать — целый инверситет. Так и в газетах писали: «Инверситет Настасии Колосовой». На ее опытах весь Советский Союз учится.

ФЕДОСЬЯ. Знаем, хорошие посевы. Агротехника, удобрения. И мы бы то сделали — дай нам возможности.

НАСТЯ (прикладывая руку ко лбу). Вот они — возможности. ДАРЬЯ. Умом хвалялись, милая! А не советская ли власть тебя образовала?

ФРОСЯ. В моем звене в прошлом году рожь не хуже вашей была, тетя Настя, да урожайность смешали в кучу. Вас только вывелили. Разве это справедливо?

ДАРЬЯ. Им ордена-медали, а нам кулаки дали!

МОТКА. Теперь в Герои метят!

МАРФА СТЕП. Помолчи! Опять чего-нибудь лгнешь.

ФЕДОСЬЯ. А не можешь ты нам препятствовать, Прокон! Закон вышел — всем награды дают за урожай.

ШАВРОВ. Так что же это — всем вам рекордные участки выделять? Болочка на мою голову! Да вы ж, бабы, и не знаете всего, что Настасья Никитишна, тут делала. И... яровизацию, и страти-фикацию, и опылицию, и пере... пере... как, Настя?

ДАРЬЯ. А ты научи нас этому «пере-пере».

АЛЕНА. Его самого бабы кто научил.

ДУНЯ (презрительно). Опылиция!

ФРОСЯ. Зачем такими словами путаете? Простое — опыление дополнительное. И мы два года уже делаем у себя.

ФЕДОСЬЯ. Не можете препятствовать! Мы за весь колхоз обязательство товарищу Сталину давали, а не за одно звено.

ШАВРОВ. Да ну вас! Голова от вашего крику пухнет. Отойдите! Вас много, — я один.

НАСТЯ. Договаривались...

ГАВРИЛЫЧ. Слышь, Проконич! Вот они стреноуны, как сорочи, а послушать-таки есть чего. Ты не отмахивайся от них, как цыган от пчел.

НАСТЯ. Что мне с вами тут время терять. Говорите прямо: отказываетесь носить воду?

ДАРЬЯ. Чтой-то не охота, милая. Как, Федосья, домой пойдем?

ФЕДОСЬЯ. Для колхоза работы и бужем работать, а для твоей выгоды — нет!

НАСТЯ. Моя выгода?.. Эх, ты! Десять лет учила вас. А мне что — больше всех надо? Не можете мозгами воротачь — чорт с вами! Мол выгода! Опять народ против меня настроиваете?

ФЕДОСЬЯ. Не мы — ты против нас пошла.

НАСТЯ (удивленно). Да чего ты разошлась? Много берешь на себя. Кому бы спорить, да не тебе. Молчала бы уж... Немечкая ярислужница.

ФЕДОСЬЯ. Ты... Что говоришь? За что?..

ФРОСЯ. Ну, к чему вы, тетя Настя?

ШАВРОВ. Оставь, Никитишна. Это — зря.

НАСТЯ. За что? Сама знаешь... А, может, скажешь — не дала горю против меня на собраниях?

АЛЕНА. И то вспоминишь, что за царя Панька было.

НАСТЯ. Да и не забуду! ФЕДОСЬЯ. За что она меня так? (плачет). У меня — дети. Она того лиха не видела, что мы...

ДАРЬЯ. Обидеть человека — это она может. Пойдем, милая, расшиби их!

ДУНЯ (тихонько к ногам из куста). Это кто? Нюра? Поприятисли от комаров под лопушки. Приснишь! А Лужка где? Ищи, а то останется здесь.

ФРОСЯ. Перемена позиции, девчата! Пошли спать!

ГАВРИЛЫЧ (усмехаясь). Дедушкину поговорку вспомнила. Это фроськин дед Артамон кричал, бывало, когда его пьяного в кутузку тащили: «Перемена позиции — из кабака в полицию!»

Старый солдат был.

МАРФА СТЕП. Вроде бы и не хорошо самолично работу бросать, да и работа такая дурная... Эх, порядок не!

Фрося берет коромысло на плечо, запевает: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед». Женщины уходят. Остаются Шавров, Гаврилыч и Настя.

НАСТЯ. «По силе возможности!» Препятствуй! Распустил народ. Или они опутали тебя чем-то так, что и прикрикнуть на них не смеешь? (уходит в поле в другую сторону). Водозабор не отпуская. Своих баб приведу.

ШАВРОВ. Ну дела, дед!.. Она такая. А бабы десять! Давать? Да все в агрономы захотят, да учи всех, да все грамотные станут, умнее меня. А куда ж мне тогда деваться?

ГАВРИЛЫЧ. Да, незавидное твое положение... Был на хуторе Мостовом кулак Евтей Заборин. Не знал его? Сорок десятин хлеба сеял, голов двадцать скота держал. Богач. А детей не учил. Девятю было — ни одного в школу не пустил. Сам пальцем расписывался и детей такими оставлял. «Чтоб разумнее бабки были? Ни в жисть!»

ШАВРОВ. Ты, дед, кулацкие примеры на меня не наводи. Это — брось. Не кулацкого я роду.

ГАВРИЛЫЧ. Знаю тебя, как облупленного. Весь твой род знаю. Комары кусаются. Костерчик, что ли, развести? (разводит костер).

ШАВРОВ (подсаживается к огню). Ждать ее здесь или домой ехать? Болочка на мою голову! Спать хочется. Вчера на бюро переделал до утра.

ГАВРИЛЫЧ. Обожди, от греха... А все ж-таки, как посмотришь на тебя, Прокон Проконич, обстоятельно — не высокого ты полета человек.

ШАВРОВ. Чего? ГАВРИЛЫЧ. «А бабы десять? Кабы двадцать? Да хоть бы и сто! Тебе ж больше урожая будет. И ты орден получишь. Для председателя ведь тоже рассчитано, сколько чего собирать нужно, чтобы дали награду.

ШАВРОВ. За этот год не дадут. Где он, урожай! Погорит все.

ГАВРИЛЫЧ. А вон тучки собираются.

ШАВРОВ (смотря на небо). Да, звезды затаяло. И росы нет на траве. Вроде — к дождю. Эх, жизнь наша деревенская! Все на тучки поглядываем... Крестьянское хозяйство, дед — карточная игра. Стихия. Нынче мордой в грязь, завтра — князь. Это уж я все обдумал. За шесть — семь лет обязательно и засухливый год хоть один ударит тебя, но и урожаю дождемся. Такого урожая, что заркомов не хватит. Как-нибудь и я свои центнеры на орден подчитаю. Не минет он меня, без хлопот, без опылиции. Понял? Вот я, слышь, восемь лет председателем стую. Во Франции за это время сорок премьер-министров сменялось, а я — недвижим. Укоренился — никакая буря не берет. Выговорю за это время нахватай — штук тридцать. За хлебопоставки — двенадцать, за мясоставки — семь, за дорожное строительство — три, за детсады — три, за то, что там, не перечислю всего. А выдержал. Сухое лето. Почему? Нервы берегу. И голову не перегружаю.

А бабы в думки ударились — пропал бы. Мне ко всем болочкам только страх... страхинация нехватает. Да что я, агроном, что ли? Я по административной части. По научной я не мастак.

ГАВРИЛЫЧ. Не мастак, верно.

(Продолжение следует)

КАЖДОЙ АРТЕЛИ — СВОЙ ПРУД

Пруд в колхозе им. Карла Маркса Дмитриевского района. Здесь есть где разводить гусей, уток, выращивать зеркальных карпов.

Фото М. Шеховцова.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ТАК ХОЧЕТ ЗОЛЕНКО...

Приказом по облоно с 20 июня этого года я освобождена от работы преподавателя естественных и немецкого языка в Улановской семилетней школе Суджанского района, как «не имеющая соответствующего образования и не повышающая квалификацию». Позже я узнала, что причиной увольнения явилось также мое, недостойное звание учителя, поведение во время войны.

Все эти обвинения вымышлены. Я

имею звание учителя средней школы, подтвержденное документом. В Улановской школе работала с 1933 года, выполняю одновременно общественные обязанности и за все эти годы ничем не опорочила звание учительницы.

Кроме меня сняты еще некоторые старые учителя, которые замесены сейчас родственниками директора В. Никифорова.

Учительница М. ШЕВЦОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ: Проверив это письмо, редакция установила следующее.

Учительница Шевцова часто выступала с критикой непопулярных в школе, требовала от директора Никифорова улучшения руководства делом преподавания. За это она попала в немилость начальства. И когда директору понадобилось пристроить в школу своих близких знакомых, он, вместе с заведующим районом Золенко, лишил Шевцову работы, взяв на ее место неопытного и не имеющего никакого образования В. Касьяненко. Ему поручили преподавание немецкого языка, а уроки биологии передали Голубовскому, окончившему сельскохозяйственный техникум и не желавшему работать агрономом. Кстати сказать, ему же посовский доверено и руководство учебной частью.

Беседы с людьми, знающими учительницу в течение десяти лет, справки, наведенные о ней в ряде учреждений, не подтвердили ни од-

ного из обвинений, предъявленных Шевцовой. Наоборот, колхозники, учителя, работники сельсовета, депутат Верховного Совета РСФСР Д. Дьяченко, на глазах которой прошла жизнь Шевцовой на протяжении последних 7 лет, отзывались о ней положительно. Выписка из протокола партийного собрания о недостойном поведении Шевцовой, посланная Золенко в облоно, оказалась подложной, так как ни в райком партии, ни в первичной партийной организации такого протокола не нашлось. Донесение Золенко в облоно — клевета на учительницу.

Тов. Шевцова имеет диплом и заключение аттестационной комиссии, разрешающей ей преподавать в 5-х и 7-х классах.

Преследуемая за критику, учительница обращалась за защитой в облоно, но облоно, видимо, слепо доверяет Золенко и тем дает повод клеветникам торжествовать свою победу.

БАНКОВСКИЙ КОНТРОЛЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДЕЙСТВЕННЫМ!

Банки обязаны не только финансировать, но и следить за правильным использованием денег, отпущенных государством на капитальное строительство, требовать своевременного ввода строящихся объектов в эксплуатацию. К сожалению, банки интересуются лишь цифровыми объемами выполненных работ. Это часто приводит к распылению государственных средств и омертвлению капиталовложений.

На 1 января этого года Курский ремонтный трест вложил в переходящее строительство 1423 тысячи рублей, а за три квартала прибавил еще 384 тыс. рублей. Введено же в эксплуатацию строен за эти 9 месяцев только на 137 тысяч рублей. Таким образом, сумма омертвленных государственных средств составляет 1670 тыс. рублей.

По управлению пищевой промышленности в переходящее ка-

питальное строительство на 1 января было вложено 1990 тысяч рублей, за три квартала прибавлено еще 228 тыс. рублей. Но в эксплуатацию на 1 октября сдано объектов только на 320 тыс. рублей. Все это — следствие одно-стороннего банковского контроля в капитальном строительстве.

Если бы сельхозбанк (управляющий т. Кравец) и промбанк (управляющий т. Анисимов) проанализировали в каждом конкретном случае, как используются средства, отпущенные на капитальное строительство, они вскрыли бы причины такого замораживания больших сумм и потребовали более рационального использования средств.

Банки должны изменить свое отношение к контролю за расходованием государственных средств.

М. ГОНТАРЬ, инженер-экономист облплана.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

* Исполнители, которые не исполняют

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...»

Приговор народного суда произнесен... Истец доволен, что суд был скорым и правым. Ответчик должен покориться неопределяемой силе советских законов.

Теперь дело за судебным исполнителем. Если он со всей серьезностью отнесется к своим служебным обязанностям, можно сомневаться, что приговор быстро и толково будет приведен в исполнение.

Но если судебный исполнитель будет хоть немножко похож на Е. И. Грищенко, работающую при народном суде 1 участка Корочанского района, судьба решений, переданных ему для приведения в исполнение, печальна. С октября 1947 года Е. Грищенко тянет с вынесением по судебному решению с Д. Ищенко в пользу Е. Колосовой нескольких вещей, принадлежавших последней. За это время в 1 участке сменялось трое народных судей, а Грищенко все еще не может привести в исполнение приговор, имеющий годовичную давность.

В дело вмешалось управление

Министерства юстиции по Курской области, которое предложило народному суду разобрать причину такой возмутительной волокиты. Но когда истица Е. Колосова явилась в суд, исполнитель Грищенко встретил ее грубыми окриками и оскорблениями.

— Призовите к порядку такого судисполнителя, — пишет в редакцию Е. Колосова.

Нужно надеяться, что это будет сделано управлением Министерства юстиции по Курской области.

К несчастью, такие судисполнители, как Е. Грищенко, есть и в других районах.

— Дорогая редакция, — пишет Варвара Конохова из деревни Урусы Глушковского района, — помоги положить конец волоките. Нарсуд 2-го участка села Теткино год и два месяца тому назад присудил мне и дочери с хозяйства моего бывшего мужа В. Конохова, который нас выгнал, 3175 рублей. Сколько мы ни обращались к судебному исполнителю Кузьме Прохоренко, наши просьбы остались без внимания.

Как смотрит на это областное управление Министерства юстиции по Курской области?

КОРОТКИЕ СИГНАЛЫ

Как правило, газеты в село Макарово Михайловского района приносят не ежедневно, как это полагают, а через 3—4 дня. Подписчики «Курской правды» читают свежую газету всего-навсего только два раза в неделю.

Колхозники хотят читать свежую газету ежедневно. Просим нам в этом помочь.

Селькор М. БУРЫКИН.

Многие избы-читальни и колхозные клубы испытывают недостаток в мебели. Нехватает также настольных игр, которыми бы могла заняться молодежь в долгие осенние и зимние вечера. Колхозы имеют средства для того, чтобы приобрести то и другое, но беда в том, что ни в одном из магазинов Больше-Солдатского района не найти ни столов, ни стульев, ни шахмат, ни шашек.

Торговые организации района должны учесть запросы культурно-просветительных учреждений.

Н. ТОЛМАЧЕВ, зав. Бирюковской избой-читальней Больше-Солдатского района.

Плохой хозяин — начальник снабжения завода счетных машин тов. Волохов. Приобрел он недавно концы для чистки станков. Пока они попали на свое место, ими засыпала весь завод. Концы валялись в коридорах, а на лестницах, и во дворе. На склад их поступило на 20 проц. меньше, чем получено по приходному документу.

Несколько машин дефицитной огнеупорной глины Волохов сыпал на дворе под открытым небом. Глина, политая дождем, стала никуда не годной.

К. СТРЕЛКОВ.

□ □ □